

К вопросу вотчинного землевладения башкирского народа

М. М. Утягулов

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: umm428@mail.ru

В статье на основе привлечения архивных материалов рассматривается ход расхищения и изъятия вотчинных земель башкир, которые планомерно проводились царским правительством в XVIII – XX в.

Ключевые слова: землевладение, вотчинное право башкир, аграрная политика, межевание земель, аренда земли, крестьяне – переселенцы.

Добровольное вхождение Башкирии в состав Русского государства позволило царским властям расширить свое административное и экономическое влияние на коренное население. Особое внимание уделялось вотчинному землевладению башкирского населения. Договор о добровольном вхождении закреплял неприкосновенность башкирских земель, но это не означало, что царизм будет мириться с этим положением и сохранит за башкирами навечно занимаемые ими угодья. Это привело к складыванию в башкирском обществе уникальных в истории России земельных отношений и формы землевладения. Вотчинное право башкир означало общинный характер землевладения и землепользования и полное отсутствие частной собственности на землю. В башкирском обществе все имели одинаковые права на владение, пользование и распоряжение равной долей угодий, т.е. являлись совладельцами общинной земельной собственности. Размеры владений вотчинников и доля общинной земли зависели от количества скота в хозяйстве башкир. Башкиры-вотчинники не имели права свободного распоряжения землями. Им запрещалось продавать или отдавать в долгосрочную аренду земельные угодья.

Отметим, что царское правительство неоднократно нарушало данное условие договора, признавая при этом вотчинное право башкир. Эти нарушения приобретают планомерный характер с момента вступления в силу положений указа от 11 февраля 1736 г., а затем, с проведением Генерального межевания начинается широкомасштабное изъятие башкирских земель.

Изъятые земли были перераспределены между переселенцами и другими категориями населения. Итоги межевания башкирских земель были исследованы А. И. Акмановым. Он пишет, что общая площадь земельных угодий Оренбургской губернии составляла 28 192 667 дес. Башкирам было отведено всего 12 818 468 дес. (45%) территории губернии, но единолично они пользовались 3 179 661 дес. или 11%. Остальные 9 638 807 дес. (34%) находилось в совместном владении башкир и их припущенников. Дворянам и

владельцам заводов принадлежало 3 658 272 дес. (12.8%), военно-служилым людям – 3 908 287 дес. (13.9%), казенным и удельным крестьянам – 6 476 520 дес. (23.5%). Немало угодий находилось в непосредственном ведении государства 1 358 191 дес. (4.6%) [1].

Политика изъятия земель в башкирском крае продолжается и в XIX в. Для этого правительство рядом своих законов и распоряжений создало условия для широкого расхищения башкирских земель. Прежде всего, стоит отметить указ от 10 февраля 1869 г. о купле – продаже и аренде так называемых “свободных сверх душевого надела угодий”. В итоге в пореформенный период башкиры потеряли, по подсчетам Х. Ф. Усманова, около 2млн. 433 тыс. дес. (примерно 26%) своих вотчинных земель [2]. Но особенно большой урон башкирской вотчинной системе был нанесен в конце XIX в., когда основной формой и правовой базой захвата башкирских земель стало заключение сделок об аренде вотчинных земель башкир переселенцами, основанное на положениях указа правительства от 21 декабря 1892 г [3]. Этому также способствовало издание закона 20 апреля 1898 г., устанавливающий в Башкирии частную собственность на землю.

Очередное наступление на вотчинные земли башкир было осуществлено в начале XX в. в связи с проведением столыпинской аграрной реформы в ходе которой башкиры потеряли более полумиллиона десятин земли.

Для разрешения спорных вопросов и предотвращения конфликтов при определении границ земельных участков из каждой деревни привлекали к межевым работам одного человека, но при этом старосты и старшины должны были выделять для участия в межевании земель наиболее авторитетных и грамотных представителей деревенского общества. При межевании и выкопировке земель обязательным было привлечение местного населения в качестве подсобных рабочих. Например, Оренбургский межевой землемер предварительно отправлял повестку деревенскому старосте, где говорилось следующее: “Оренбургский межевой землемер, приступая к выкопировке меж и межевых знаков в даче Тангаурской волости по смежным с дачами Зилаирской крепости вызывает вас на основании 602 статьи Межевого Закона в д. Гумерову. Причем извещает, что на основании 43 и 79 статьи Межевого Закона вы обязаны доставить в указанное место рабочих с топорами и лопатами, железный плуг (сабан) с упряжкой и погонщиками, одноконных подвод (указано количество), столбов (длиною в сажень, не тоньше 3 вершка), дровяных углей (указано количество пудов), железных ломов (указано количество), прямых и легких жердей, длиною в 2 ½ сажени, колья. В случае недоставки требуемого, необходимое будет нанято и куплено в счет недоставивших [4].

Межевые комиссии решали задачи связанные с окончательным разделом башкирских вотчинных земель, разрешением спорных межевых вопросов, т.к. в большинстве случаев границы участков определяли по урочищам, что не гарантировало их точность,

известность и установлением межевых знаков с последующей выдачей межевых актов.

В начале XX в. земельные отношения и земельный вопрос оставались одними из самых острых проблем внутренней политики правительства. Деятельность I и II Государственных Дум определялась стремлением разрешить данный вопрос. В этом плане на основе указа от 9 ноября 1906 г. шла реализация аграрных реформ председателя Совета министров П. А. Столыпина. Положения указа, как известно, предоставляли крестьянам право свободного выхода из общины с укреплением в собственность домохозяев участков мирского надела. При этом переходящие к личному владению наделы, по требованию выходца должны были быть объединены в один массив. По мнению П. А. Столыпина при этом выполнялась основная задача реформы – разрушение общины и как следствие должно произойти формирование и складывание новых хозяйственных единиц – хуторов и отрубов. Различие отруба и хутора состояло лишь в отсутствии или наличии на данном участке двора и хозяйственных построек. Надо заметить, что хуторская система хозяйствования, как форма землевладения, прочно вошла в российский аграрный сектор еще в 80-е годы XIX в. Например, статский советник губернского экономического ведомства К. Е. Сувчинский, исследуя вопросы переселения и размещения крестьянского населения в Оренбургской губернии, куда входило почти все башкирское Зауралье, пишет, что в 1886 г. по губернии было зафиксировано более 420 хуторов, что представляло несомненные выгоды, как в административном, так и в экономическом отношениях [5]. В первую очередь это было связано со складыванием рыночных отношений в сельском хозяйстве и формированием новых предприимчивых собственников земли, которые выделились из основной массы крестьянства.

Создание новых типов хозяйств вело к формированию прослойки крестьян – единоличников, которые должны были стать опорой государства в развитии аграрного сектора. Общепринятое мнение о кулачестве и кулаке – как о мироеде, жестоком эксплуататоре, хищнике – землевладельце, захватывающем лучшие земли укоренилось в сознании населения и надо полагать надолго. Такой подход усилился в первые годы Советской власти, особенно в условиях гражданской войны и в период новой экономической политики советского государства. Но не стоит забывать о следующем моменте. До 1917 года в крестьянских единоличных и кулацких хозяйствах производилось больше половины товарного хлеба в стране. Нет сомнения, что государству был даже выгоден экономический рост и увеличение численности таких крестьянских хозяйств.

Ход реализации аграрной реформы П. А. Столыпина в Уфимской и Оренбургской губерниях в корне отличался от общероссийского. Основной отличительной особенностью было наличие права башкир на вотчинные земли, порядок которого определялся «Положением о башкирах», принятого еще 14 мая 1863 г. Действия указа от 9 ноября 1906 г. и закона от 14 июня 1914 г. на башкир-вотчинников не распространялись. Со-

ответственно при анализе и составлении статистических данных о выходе крестьян из общин и наделении их земель в частную собственность башкирское население не было учтено. Башкиры-вотчинники могли закрепить за собой как частную собственность свою долю общинной земли. Об этом красноречиво говорят документы архивных материалов, где говорится о личной собственности башкирского населения на землю [6].

Эти документы представляют собой расписки башкир-вотчинников, датированные 1910 и 1911 годами, о продаже собственных земель и заверенные подписями старост, подлинность которых не вызывает сомнения. Приведем для примера несколько из них (не меняя правописания), где говорится о различных сделках, совершенных между башкирами – собственниками и пришлым населением.

В документе, датированном от 13 августа 1910 г. говорится о том, что башкир деревни Максютовой Абдулла Сабанчин на право (возможно на правах) продал собственноручно свое из душевого надела двух десятин крестьянину хутора Япарсаз Николаю местности (здесь название неразборчиво) стороны Япарсаз. Цена одной десятины 6 руб. 50 коп. Два десятина 13 руб. Деньги получил сполна. Николай будет пользоваться (с) 1911 года и случае (далее слово неразборчиво) заводить скандал, то будет (слово неразборчиво) свидетельствую в том под приложением казенной печати. 1910 года августа 13 дня. Абдулла Сабанчин и Якуповский сельский староста Муратов. Из документа мы видим, что совершенная сделка заверена подписью старосты и печатью сельского общества.

Следующая расписка написана 27 марта 1911 г. башкирами деревни Максютовой Тангаурской волости Орского уезда. Нигматулла, Файзулла и Хасан Юлановы выдали настоящую расписку крестьянам хутора Япарсаз (так написано в тексте) Евдокиму Рыжову и Алексею Микитину в том, что... “продали (здесь слово неразборчиво) собственное свое из душевого надела степной пай следующий на 3 души них к осени 1911 года. В том и подписуемся неграмотные приложением тамги.”

3 апреля 1911 г. башкир д. Салимовой Тангаурской волости Батырхафи(з) Сулейманов дал настоящую расписку крестьянину х. Япарсаз Тангаурской волости Савелию Архипову Чувакину в том, что находящиеся в местности между Камышлы Узьяк и Янгиз каин собственную свою три десятину жниву продал Чувакину на один посев сего года (ценою)... Следующие цены получил сполна в том прилагаю тамгу Батырхафи(з) Сулейманов (начертана тамга – Ψ), по просьбе подписал Султангалей Сулейманов.

7 апреля этого же года состоялась сделка между башкиром д. Максютовой Тангаурской волости Шагивалеем Такаловым и крестьянином х. Япарсаз Алексеем Микидиным. Согласно расписке Ш. Такалов продал А. Микидину собственный душевой надел – одну десятину земли по цене 3 руб. 50 коп. (для) пользования сроком на один год для снятия сена или ковыля. Деньги сполна получил и к сему расписываюсь по тарски (татар-

ски) Шагивалей Такалов (далее идет подпись арабской графикой письма). По его личной просьбе подпись подтверждает Сибэгатулла Аллабердин.

Наличие данных архивных документов говорит о том, что башкиры деревни Максютовой, кроме вышеуказанных земельных наделов владели земельными угодьями не только около поселения, но и далеко от нее в степной зоне, в районе современного Маканского сельского совета Хайбуллинского района РБ. Наличие земельных угодий в степной зоне, на расстоянии 60–70 км от деревни, указывает на то, что башкирское население использовало их либо как отгонные пастбища, либо как пашенные угодья. Мы придерживаемся мнения, что эти земли использовались для кочевого скотоводства. Ближние земли, отданные в аренду или проданные переселенцам, являлись, скорее всего, пашенными угодьями. Подтверждением этому является расписка Батырхафи(з)а Сулейманова. Следовательно, в башкирском обществе занятие земледелием было распространенным явлением.

Башкирскому населению принадлежали не только земельные, но и лесные угодья. Это подтверждается распиской, которая выдана 19 июля 1911 г. башкиром д. Максютовой Фаруком Байгуловым. В ней говорится: «Я ниже подписавшийся башкир д. Максютовой Фарук Байгулов выдал сию расписку Лариону Короткову в том, что я Байгулов продал Короткову правило (право) на заготовку (в) роща около Канифы дороги душевого надела мелкого лесу осинового и березового 1000 штук. В том и подписуюсь Фарук Байгулов прикладываю тамгу» [7].

Создание населенных пунктов переселенцев не всегда сопровождалось юридическим оформлением арендуемых или приобретаемых земельных участков. Если в конце XIX в. башкирская община составляла приговор, как это происходило в Бушман-Суун-Кипчакской, [8]. 1-ой и 4-ой Усергановской[9]., Тангаурской[10]. и других волостях Орского уезда Оренбургской губернии, то в последующие годы в арендные отношения вступают рядовые башкиры – вотчинники. Как мы указывали выше, башкиры-вотчинники составляли простые расписки не заверенные нотариально. При этом эти расписки выдавались на краткие сроки. Следует полагать, что в дальнейшем пришлое население не стремилось возвращать арендованные земельные участки прежним хозяевам. Нами в архивных фондах, во всяком случае, не было найдено ни одного документа, подтверждающего продление краткосрочных арендных соглашений.

События 1917 г. и последовавшие за ними мероприятия Временного правительства и Советской власти привели к кардинальным изменениям в системе башкирского землевладения и декретом Временного правительства от 28 июня 1917 г. были отменены действия столыпинской аграрной реформы.

Литература

1. Акманов А. И. Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начало XX в) Уфа: Китап, 2000. С. 61.
2. Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в Башкирии в пореформенный период: 60–90-гг. XIX в. М.: Наука, 1981. С.54
3. Утягулов М. М. Переселенческая политика царизма в Башкортостане (во второй половине XIX – начале XX в. Уфа: Гилем, 2007. С.89)
4. ГАОО. Ф.124. Оп.5. Д. 128. ЛЛ.7–7об, 8, 17.13 -19, 24–27.
5. Сувчинский К. Е. Переселенцы в Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.3–4.
6. ЦГИА РБ. Ф.639. Оп.8. Д. 15. ЛЛ. 69–74.
7. ЦГИА РБ. Ф. 638. Оп. 8. Д.15. ЛЛ.63.63 об.,64–69, 71.71.
8. ГАОО. Ф.123. Оп. 1. Д.797. ЛЛ.9–91.
9. ГАОО. Ф.13.Оп. 2. Д.11. ЛЛ.1–19. Ф. 10.Оп. Д.54. ЛЛ. 52–58.
10. ГАОО. Ф.20.Оп.1. ДД.1–3. Ф.32.Оп.1. ДД.1/1.12.19.39.Ф.33.Оп.1Д.23.Ф.34.Оп.1.Д.23.

On the question of patrimonial land tenure Bashkir people

M. M. Utyagulov

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: umm428@mail.ru

On the basis of archival materials attracting reviews the looting and seizure of patrimonial lands Bashkirs that systematically carried out by the tsarist government in the 18–20th century.

Keywords: land tenure, patrimonial right Bashkir agricultural policy, land surveying, land rent, the peasants – migrants.